

УДК-323(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2022-4-94-104

ДЕПОРТАЦИЯ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ НАРОДОВ В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: СЛУЧАИ РЕСПУБЛИКИ ЧЕЧНЯ И РЕСПУБЛИКИ ИНГУШЕТИЯ

И. А. Ушпаров

Ушпаров Игорь Андреевич, аспирант факультета политических наук,
Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования
Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия, Санкт-Петербург.
E-mail: igor.usparov@mail.ru (ORCID: 0000-0002-4908-5645).

Аннотация

Память о трагических событиях играет важную роль при формировании коллективной идентичности. Этнические группы борются за право конструировать собственный исторический нарратив, который часто не совпадает с официальной государственной исторической политикой. Депортация, осуществленная в годы Великой Отечественной Войны, сыграла ключевую роль в определении этнической идентичности для чеченских и ингушских групп. В настоящей статье изучается процесс формирования и эволюции локального исторического нарратива о депортации чеченского и ингушского народов в советское и постсоветское время. Проведенный анализ показал, что существующий способ коммеморации и взаимодействия с памятью о трагических событиях в Республиках Чечня и Ингушетия отличаются, несмотря на существовавшую общую социально-культурную и институциональную среду. В настоящий момент в Чеченской Республике можно наблюдать низкий уровень институционализации памяти, в которой семейные воспоминания о депортации остаются доминирующей формой передачи памяти. Власть республики активно вытесняет память о депортации из мемориального и публичного пространства, связывая его с политическим кризисом в 1990-е гг., однако, продолжает использовать нарратив для мобилизации граждан. В Республике Ингушетия, наоборот, обращение к мемориалам, а также закрепление статуса травмы в качестве ключевого исторического события носит институционализированный и общеразделяемый характер, поддерживаемый со стороны как властей республики, так и общественности.

Ключевые слова: политика памяти; культурная травма; депортация; дискурс; исторический нарратив; Республика Ингушетия; Республика Чечня.

Введение

Использование опыта культурной травмы является эффективным инструментом конструирования и управления коллективной памятью сообщества. Различные мнемонические акторы формируют, распространяют и закрепляют в массовом сознании особую интерпретацию исторических событий, тем самым воздействуя на их социальное представление в обществе (Малинова, 2018: 34). Культурная травма является основой для конструирования этнической идентичности (Шнирельман, 2021: 8). Такие трагические события, как депортация, репрессии, геноцид и этническая чистка оставляют глубокий шрам в памяти. Использование опыта травмы в политике памяти может рассматриваться в качестве применения классического антагонистического подхода (Bull & Hansen, 2016: 6).

В статье основное внимание сосредоточено вокруг изучения опыта использования и институционализации памяти о депортации 1944 г. в Республике Чечня и Республике Ингушетия. В советской практике был выработан общепринятый государственный нарратив, который оправдывал насильственные действия по отношению к депортированным народам. В то же время чеченские и ингушские группы сформировали свою собственную интерпретацию трагических событий, не принимая во внимание официальную версию прошлого. В рамках советского авторитарного режима невозможно говорить об эффективных попытках местных групп институционально конкурировать с государственным нарративом, однако борьба за доминирование той или иной исторической интерпретации вышла на новый уровень в период «перестройки».

Депортация, осуществленная 23 февраля 1944 г., является центральным местом коллективной памяти для обоих народов. Опыт совместного проживания (*в рамках ЧИАССР*), принадлежность к единой культуре (*вайнахская группа*), а также наличие общей коллективной травмы повлияли на выработку собственной политики памяти, контрастирующей с государственным нарративом. Тем не менее, современные формы работы с коллективной памятью в Республиках Ингушетия и Чечня отличаются. Ингушские акторы максимально используют нарратив о депортации и встраивают его в собственный дискурс, в то время как в Чечне тема депортации эволюционно предается забвению. Это задает риск трансформации памяти о депортации в «неофициальную» историю, что провоцирует отчуждение травмы от публичного дискурса в целом. Таким образом, дискурс, формируемый «сверху», и его институциональная «открытость» является важным инструментом для формирования и распространения общей интерпретации тех или иных событий. Выбранные случаи предполагают выработку различных подходов в работе с памятью о депортации 1944 г. Исходя из предложенных предпосылок, необходимо выяснить: в чем состоит и чем обусловлена основная разница в формах взаимодействия с памятью о депортации 1944 г. в Республиках Ингушетия и Чечня?

Эволюция исторического нарратива о депортации 1944 г.

23 февраля 1944 г. под кодовым названием «Чечевица» была осуществлена высылка чеченских и ингушских этнических групп с территории их компактного проживания. Согласно официальным данным выселению подлежало около полумиллиона человек на территорию Казахстана и Киргизии. Подобное политическое решение обосновывалось сложными отношениями, существовавшими между органами центральной советской власти и местными этническими группами в довоенное время (Акаев и др., 2014: 130).

Анализ конструирования исторического нарратива депортированных народов во многом связан с рассмотрением взаимоотношений местной этнической истории и официальной государственной интерпретации трагических событий (Шнирельман, 2021: 19). В рамках советского режима формирование исторических нарративов о депортации стоит разделить на несколько периодов, *первый* из которых относится к процессу депортации и жизни в спецпоселениях (1944–1957 гг.).

Согласно проведенному анализу, можно сделать вывод, что советский официальный нарратив определил депортацию 1944 г. в качестве необходимой меры для наказания чеченских и ингушских групп. В Указе Президиума Верховного Совета СССР «О ликвидации Чечено-Ингушской АССР и об административном устройстве её территории», принятом 7 марта 1944 г., обосновывается ряд причин, согласно которым вайнахская группа обвиняется в союзнничестве с немецко-фашистскими силами. Более того, массовое дезертирство из РККА, распространение антикоммунистического движения, а также организация налетов, грабежей, набегов и иных преступлений на мирных жителей конструирует чеченскую и ингушскую группы как «врагов» народа. Ликвидация Чечено-Ингушской автономии, а также последующие административные преобразования послужили будущим катализатором многих территориальных и межэтнических споров, которые стоит учитывать при анализе политики памяти в регионе.

Выработанный государственный нарратив о предательстве чеченских и ингушских групп не соотносится с локальной интерпретацией событий. Чеченские и ингушские историки отмечают, что территория ЧИАССР никогда не была под оккупацией враждебных сил (за исключением небольшого г. Малгобека, находящегося в северной части республики), а масштабы бандитизма и мародерства крайне преувеличены (Акаев и др., 2014: 131). Помимо этого, личные амбиции партийного руководства, необходимость в «упрощении» полиэтничного состава страны и напряженные отношения с Турцией во время Великой Отечественной Войны составляют ряд альтернативных предположений о реальных причинах массовой депортации народов Северного Кавказа (Акаев и др., 2014: 130).

В рамках советского режима борьба за доминирование того или иного дискурса в публичном пространстве была крайне ограничена. Этнический нарратив не смог институционально конкурировать с официальной интерпретацией исторических событий на протяжении многих десятилетий после осуществления депортации. Однако память о ней дополнялась новыми сюжетами во время размещения в спецпоселениях. Именно там чеченские и ингушские группы активно взаимодействовали с другими депортированными группами. Несмотря на разность культур, языка и традиций, местное население (в основном казахи и киргизы) устанавливало доверительные отношения, помогая

чеченцам и ингушам при процессе трудоустройства и организации собственного быта в спецпоселениях (Исакиева, 2019: 70). Более того, коммуникация с другими наказанными народами позволила обмениваться мнениями и формировать новую коллективную память вне определенной этнической группы. Это кардинально изменило направление в поиске нового «общего врага/палачей», а также «жертв» (Гучинова, 2021: 37). Таким образом, социальный статус группы и её положение заменил этническую идентификацию. Нарратив о депортации 1944 г. дополняется историями о судьбах не только чеченского и ингушского, но и других пострадавших народов, что позволяет трансформировать глобальную для этнических групп травму в инструмент солидарности (Gould, 2012: 152).

Таким образом, изначально чеченские и ингушские группы конструировали противоположный нарратив относительно официально принятой версии. Последующая виктимизация памяти и встраивание травмы в нарратив стали передаваться из поколения в поколение в условиях ограничений на институционализацию трагедии. Это привело к тому, что политика замалчивания стала наиболее характерной чертой для всей вайнахской группы (Тишков, 2001: 80).

Второй период захватывает реабилитационный этап и длится до начала проведения политики гласности и разрешения публикации материалов о трагических событиях (до середины 1980-х гг.). После смерти И. Сталина и осуждения его культа личности в 1957 г. принимается решение о восстановлении Чечено-Ингушской автономии и возвращении репрессированных народов, однако, институциональная, мемориальная и дискурсивная среда не изменяется. В публичном пространстве продолжает доминировать выработанный взгляд на депортацию и роли вайнахской группы в коллаборационизме с немецко-фашистскими силами. К тому же, многие историки продолжали избегать темы депортации в процессе написания учебников по истории. Вплоть до периода гласности и перестройки, существовали ограничения на всевозможные попытки дискурсивно работать с памятью о трагических событиях (Samraha, 2012: 146). К примеру, чеченским и ингушским сообществам не разрешалось строить памятники, посвященные депортации, а также публиковать какие-либо материалы. Сложившаяся ситуация только усилила роль коллективной памяти для мобилизации чеченского и ингушского населения в период перестройки.

Немаловажным фактором для этого послужило вытеснение чеченской и ингушской памяти из культурного пространства. После выселения территория была заселена новыми жителями, которые стали убирать традиционные места захоронения предков, а именно «чурты» (Williams, 2000: 112). Безусловно, после возвращения чеченского и ингушского населения это привело к формированию множество конфликтов не только на бытовом и этническом уровне, но и вокруг памяти (Jaimoukha, 2004: 62). Новое поколение активно сопротивлялось возвращению с мест ссылки депортированных народов, устраивая большие беспорядки в городах и сёлах. Государственный нарратив смог окончательно закрепить в массовом сознании советских граждан страх по отношению к вайнахской группе.

Вторую половину 1980-х гг. можно обозначить как третий период, поскольку именно в нем исторические нарративы депортированных групп приобретают не только этнический и институциональный, но и политический характер. К периоду гласности так и не было установлено ни одного памятника, материалы о трагедии были под запретом или не проходили в рамках цензуры, а учебники по истории старались избегать иных версий интерпретации депортации и последующую за ней ликвидацию автономии (Perović, 2018: 319). Однако с приходом М. Горбачева ситуация меняется. Одна из первых серьезных попыток произошла по инициативе историка М. Музаева. В 1980-е гг. группа под его руководством написала письмо, в котором осудила доминирующую версию прошлого, конструируемую советским руководством (Jaimoukha, 2004: 63). Более того, в ЧИАССР были организованы научные конференции, которые дискредитировали советский нарратив о взаимоотношениях России и Кавказа в целом. Это вызвало бурную общественную реакцию и заложило основы для будущего политического конфликта между органами центральной власти и республик.

В частности, к концу 1980-х гг. уже появляются первые местные монументы, печатаются научные исторические книги, снимаются фильмы, а также публикуется литература, повествующая о жизни людей во время депортации и жизни в спецпоселениях. Уже к началу 1990-х гг. были размещены статьи в журналах и газетах, в которых содержались секретные материалы об организации массового выселения в 1944 г. (Perović, 2018: 320).

Ключевым событием на рубеже десятилетий становится публикация материалов о совершенном массовом убийстве в селе Хайбах. В феврале 1944 г., согласно позиции НКВД, ввиду невозмож-

ности транспортировки местных жителей, было принято решение о ликвидации деревни, в результате которой было убито примерно 700 человек. Трагедия в Хайбахе стало частью нового исторического нарратива чеченцев и ингушей, который теперь дополняется описаниями жестокости советского руководства к собственным гражданам (Саправа, 2012: 150). Таким образом, происходившие тогда первые попытки институционально работать с памятью и встроить её в публичное пространство повлияло на формировании конкурентного локального дискурса. В случае с чеченскими и ингушскими группами, ограничения на институциональную работу, формирование собственной коллективной памяти и трагедия в Хайбахе заложили основу для будущих политических кризисов в 1990-е и начале 2000-х гг.

С распадом Советского Союза память о трагедии в чеченских и ингушских сообществах переходит из «семейной», передаваемой из поколения в поколение, в память «институционализированную», транслируемую через различные инструменты политики памяти. Несмотря на схожесть судеб ингушского и чеченского народов, а также общность травмы и опыт совместного переживания, на современном этапе можно увидеть два прямо противоположных подхода к памяти и к способу её коммеморации.

Современные формы взаимодействия с памятью о депортации в Республике Ингушетия и Республике Чечня

Мнемонические акторы формируют исторический нарратив и закрепляют определенные представления о прошлом в массовом сознании через инструменты политики памяти. Одним из таких способов является контроль над публичным дискурсом, который выстраивает значения и понятия, важные для эффективной борьбы за доминирование того или иного нарратива (Macgilchrist and Van Hout, 2011: 4). В Чечне и в Ингушетии формируются разные формы взаимодействия с памятью о депортации, что активно прослеживается через анализ дискурса в рамках применения стратегии множественной кейс-стади (*multiple case-study*).

При анализе новостных публикаций и текстовых материалов, собранных с интернет-ресурсов, был использован качественный анализ документов. Материалы были отобраны по набору ключевых слов, а именно: «депортация», «Чечня», «Ингушетия», «1944 год», «23 февраля», «память», «годовщина» с целью выявления необходимой информации, относящейся к памяти о депортации вайнахской группы. Собранные материалы были подвергнуты дальнейшему качественному анализу нарративных шаблонов (*schematic narrative templates*). Существующие схемы описания депортации, а также встраивание её в тексты и публичные выступления мнемонических акторов определяют культурные, исторические и повествовательные традиции, закреплённые в обществе. Таким образом, данный текстуальный анализ собранных материалов отображает репрезентацию дискурса относительно нарратива о депортации 1944 г. в обеих республиках.

Особое внимание уделялось материалам, касающимся принятым политическим и управленческим решениям относительно формирования мемориального законодательства, а также организации проведения ежегодных коммеморативных практик в республиках. В том числе, были отобраны материалы, посвященные траурным мероприятиям, в которых приводились высказывания мнемонических акторов, в частности, глав республик, представителей органов региональной власти и других высокопоставленных чиновников. Более того, открытие мемориальных проектов жертвам трагических событий, на которых проводились также коммеморативные мероприятия, дополнили выборку настоящего исследования. Таким образом, всего было проанализировано 24 материала.

С помощью собранных материалов прослеживаются изменения институциональной и дискурсивной среды, мемориального законодательства, процесса организации коммеморативных площадок. Борьба за использование конкретного языка описания исторического прошлого позволяет конкретизировать не только дискурсивное, но и институциональное измерение политики памяти в обоих случаях.

Республика Ингушетия

На протяжении всей современной истории ингушской государственности память о депортации использовалась региональными элитами в качестве опоры этнической идентичности. Местное население, взаимодействуя с органами власти, активно защищает своё право на закрепление статуса депортации в дискурсивном и мемориальном поле. В частности, активисты со стороны правозащитной организации «Машр» и общественного движения «Опора Ингушетии» призывают жителей рес-

публики отмечать 23 февраля как день памяти о трагических событиях. Эту инициативу поддерживает и власть республики, установив этот день в качестве национального «траура» ингушей. Здесь ежегодно проходят митинги, проводятся траурные мероприятия с возложением цветов и обязательным посещением мемориальных комплексов. Выступления главы республики, тейпов, представителей религиозных учреждений и местных жителей являются главными атрибутами процесса коммеморации. Подобная активная роль элиты в конструировании общественного дискурса и привлечении местного населения во многом отражает активную и антагонистическую позицию мнемонических акторов в использовании памяти о депортации как инструмента легитимации собственной власти.

Несмотря на убежденность региональной власти и общества в проведении коммеморативных мероприятий 23 февраля, существовали дискуссии о переносе даты годовщины памяти о депортации. Во всероссийском масштабе 23 февраля является праздником *Днём Защитника Отечества*, пересечение с которым вызывает трудности в институционализации одновременно двух событий. Таким образом, в ингушском политическом и общественном истеблишменте существовали как минимум три модели отношений к двум датам. *Первая* концепция предполагала перенести День Защитника Отечества на другой день в знак солидарности государства и окончательного признания трагедии северокавказских народов¹. Многие пользователи социальных сетей поддержали это решение, однако, это не нашло отклика как на региональном, так и на государственном уровне. *Вторая* концепция рассматривала идею о переносе даты памяти о жертвах депортации на другой день, 30 октября. Это вызвало волну недовольства среди не только мирных жителей, но и среди элит. Акторы считают своим долгом защищать 23 февраля, как: «национальный, сугубо ингушский памятный день»². *Третья* версия предлагала эклектично совместить оба события в один день. Практическая её имплементация просуществовала недолго.

23 февраля 2019 г. на одном из траурных мероприятий были установлены плакаты, повествующие о противоположных исторических нарративах для местного населения. Первый из них был посвящен депортации ингушского народа в 1944 г., а другой баннер – Дню Защитника Отечества. Местные жители и активисты начали резко протестовать против объединения дат. Во время выступления Ю.-Б. Евкурова, бывшего лидера республики, публика начала его освистывать и требовать прекратить все попытки покушения на память о трагических событиях³. В результате после официальной церемонии развернулась драка. На следующий год во время проведения траурных мероприятий была усилена роль правоохранительных органов, чтобы не допустить эскалацию конфликта и провокаций. Однако в 2020 г. власть пошла на уступки и оставила все попытки объединения разных исторических нарративов.

На данный момент М. Калиматов неоднократно подчеркивал этническую важность истории депортации ингушского народа⁴. Принимая во внимание отсутствие механизма вытеснения «Дня Защитника Отечества» из публичного дискурса, власть прислушивается к мнению местных жителей и продолжает договариваться с ними в попытках отстаивать институционализацию обоих праздников, но отдельно друг от друга. Уже в 2021 году оба праздника проводились отдельно друг от друга. Было организовано множество коммеморативных площадок, на которых были размещены различные символические и культурные объекты. В 2022 году власти республики сохранили традицию разделения траурного мероприятия от празднования государственного праздника. На фоне процесса припоминания (*remembering*) ингушские акторы и местное население вспоминают жертв конфликта вокруг Пригородного района 1992 г., другого важного трагического события в истории Ингушетии⁵. Таким образом, память о трагедии дополняется воспоминаниями о других травмах, непосредственно связанных с ингушской идентичностью.

¹ Кавказский Узел (2020) Правозащитники поддержали идею отказа от празднования 23 февраля на Северном Кавказе. URL: <https://www.kavkaz-uzel.org/articles/346408/> (дата обращения: 11.04.2022). ООО «МЕМО», учредитель регионального интернет-СМИ «Кавказский узел», внесено Минюстом РФ в реестр иностранных агентов 08.10.2021 г.

² Кавказский Узел (2017) Спикер Парламента Ингушетии предложил вспоминать жертв депортации 30 октября. URL: <https://www.kavkaz-uzel.org/articles/298257/> (дата обращения: 15.04.2022).

³ Кавказский Узел (2020) Траурный митинг в Назрани прошел под присмотром силовиков. URL: <https://www.kavkaz-uzel.org/articles/346253/> (дата обращения: 16.04.2022).

⁴ Кавказский Узел (2021) Власти Ингушетии попытались увязать годовщину депортации с празднованием 23 февраля. URL: <https://www.kavkaz-uzel.org/articles/360093/> (дата обращения: 12.04.2022).

⁵ Кавказский Узел (2022) В Ингушетии развели по разным городам траурные и праздничные мероприятия 23 февраля. URL: <https://www.kavkaz-uzel.org/articles/373518/> (дата обращения: 19.04.2022).

Другим немаловажным аспектом борьбы за институционализацию памяти является принятие закона о запрете увековечивания памяти об И. Сталине в регионе. Это решение вызвало ряд бурных обсуждений среди общественности. Практически все депутаты поддержали законопроект, несмотря на разницу в идеологической и партийной принадлежности. Среди проголосовавших «за» были депутаты и от КПРФ, однако, региональное отделение попыталось опротестовать вынесенное решение. Судьба данного законопроекта до сих пор не известна, однако отношение к И. Сталину в республике, действительно, сложное. Как правило лидеры республики во время своих публичных выступлений резко критиковали И. Сталина и принятые им политические решения относительно выселения не только вайнахской группы, но и других репрессированных народов¹. К тому же, тот факт, что депутаты от коммунистической партии поддержали законопроект, говорит о первостепенной значимости памяти о депортации ингушского народа в качестве этнической идентификации. Таким образом, элиты республики демонстрируют свое отношение к прошлому, разделяя общественное мнение и заслуживая авторитет среди местного населения.

Формирование общественного дискурса происходит не только через коммеморативные практики, изменение мемориального законодательства и выступления мнемонических акторов, но и через создание различных проектов, поддерживаемых (не)государственными акторами. В данном случае такой инициативой выступает «Я – очевидец», при Мемориальном комплексе жертвам репрессий в г. Назрань. Суть проекта заключается в фиксации материалов через различные средства запечатления (текст, фото и видео) памяти и свидетельств людей, переживших депортацию 1944 г.² Авторы проекта надеются не только сохранить, но и повлиять на общественный дискурс, формирующийся вокруг памяти о депортации ингушского народа. На данный момент уже выпущено 2 сборника, а работа по сбору и анализу материалов активно продолжается и сейчас. Власть поддерживает и финансирует, таким образом, различные инициативы по формированию мемориального наследия.

Более того, ингушское научное сообщество также подключено к поддержке местного исторического нарратива. В 2019 г. «Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева» подготовил и выпустил сборник, посвященный 75-летию депортации ингушского народа. Различные ученые и специалисты по местной истории попытались повлиять на общественный и академический дискурс, отобразив существующую полемику относительно причин депортации, условий жизни ингушского и чеченского народов во время ссылки, а также собственное отношение к статусу народа. Используя архивные документы, а также яркую эмоциональную риторику, сборник стал удачным в рамках проведения исторической политики.

К тому же, память о депортации 1944 г. активно используется и в мемориальном наследии республики. В 1997 г. в с. Насыр-Корт Назрановского района, на окраине г. Магас под руководством Р. Аушевым строится «Мемориальный комплекс жертвам репрессий Девять башен». Деньги на строительство комплекса были собраны от пожертвований граждан. В течение всей современной истории мемориала, власть республики постоянно поддерживает и финансирует различные проекты, проводит на месте коммеморативные мероприятия 23 февраля. Позже Государственный Музей истории ГУЛАГа становится его главным партнером, с которым они вместе работают над различными исследовательскими и образовательными программами. В последующие годы мемориальный комплекс достраивался и наполнялся новыми смыслами. Помимо депортации 1944 г. новый мемориал приобретает повествование о различных значимых не только трагических, но и героических событиях истории ингушского народа. Теперь депортацию встраивают в основной исторический нарратив Ингушетии, а память о ней приобретает все больше институционализированный характер. Организация экскурсий, создание множество других культурных объектов на территории комплекса (к примеру, «экспонат поезда времён депортации ингушей 1944 года», «чурты», «Вечный огонь»), проведение коммеморативных мероприятий закрепляет основной акцент и нарратив, в котором отображается местная интерпретация событий, отличающаяся своей интонацией и эмоциональностью. Таким образом, память о депортации 1944 г. в Республике Ингушетия носит скорее институционализированный, общеразделяемый характер и передается в рамках существующих эффективных инструментов политики памяти.

¹ ТАСС (2016) Евкуров: нельзя не признать заслуг Сталина, но он – враг ингушского народа. URL: https://n.tass.ru/politika/3362194?utm_source=tass.ru&utm_medium=referral&utm_campaign=tass.ru&utm_referrer=tass.ru (дата обращения: 14.04.2022).

² Официальный сайт «Мемориальный комплекс жертвам репрессий». URL: <http://memorialing.ru/proekty/>.

Республика Чечня

С конца 1980-х гг. власть республики начала активно использовать депортацию 1944 г. в качестве опоры чеченской идентичности (Бюллетень Правозащитного центра «Мемориал», 2019: 15). Вплоть до начала 2000-х гг. взаимодействия с памятью о прошлом носили системный характер, однако, со стабилизацией ситуации на Северном Кавказе произошли новые институциональные ограничения в мемориальной и дискурсивной среде.

После распада СССР в республике официально не было установлено дня памяти жертв депортации. Коммеморация трагических событий обычно ежегодно проходила 23 февраля, что активно поддерживала региональная власть и общественность. В 2010 году принимается указ «День памяти и скорби в Чеченской Республике», который юридически закрепил этот день. Однако в 2011 г. это решение отменяется, и дата переносится на 10 мая. Во-первых, смена даты объясняется празднованием в этот день другого государственного праздника – Дня Защитника Отечества, пересечение с которым будет нарушать логику проведения траурных мероприятий. Во-вторых, 9 мая 2004 г. в результате теракта был убит А. Кадыров, который имеет большое символическое и политическое значение для республики. Решение о переносе даты на 10 мая является попыткой совместить все трагические события чеченского народа, в центре которых стала бы потеря отца Р. Кадырова. Однако это вызвало тогда бурный общественный резонанс, в результате которого местные жители требовали устроить массовый бойкот и продолжать проводить собственные коммеморативные мероприятия 23 февраля.

Власти республики продолжали игнорировать многие общественные акции, и после 2011 г. официально проводили все траурные мероприятия именно 10 мая. Теперь основной фокус всех публичных выступлений Р. Кадырова о трагических событиях чеченского народа строился вокруг личных воспоминаний об отце и его биографии, а не депортации чеченского народа¹. Помимо этого, контролирование процесса коммеморации исторического нарратива происходило через мониторинг СМИ и медиапространства. 23 февраля транслируют различные новостные сюжеты, связанные с отмечанием общероссийского праздника, к которому местные жители и до этого относились с осторожностью. По телевизору лишь несколько слов упоминалось о депортации 1944 г., все остальное эфирное время занимал государственный исторический нарратив². Таким образом, память о депортации чеченского народа вытесняется с изначальной даты. Попытки сконструировать «новую традицию» не привели к формированию нового исторического нарратива, в центре которого бы стояла фигура А. Кадырова.

На дискурсивное восприятие депортации влияет академическая среда в том числе. Путем формирования научных дискуссий вокруг той или иной темы, власть может контролировать процесс выработки исторического нарратива. В 2014 году была проведена конференция «Депортация чеченского народа. Что это было и можно ли это забыть?», посвященная 70-летию годовщины депортации чеченского и ингушского народов. На базе открытых материалов можно сделать вывод о доминирующем представлении депортации в качестве трагедии всего чеченского народа, память о которой важна для современной этнической идентификации в том числе. В Академии наук Чеченской Республики была проведена также конференция «Чечено-Ингушетия в годы Великой Отечественной войны», на которой обсуждались спорные моменты об интерпретации тех или иных исторических событий. Участники конференций являются известными и уважаемыми местными историками, задача которых была определить новую траекторию исторического нарратива и снизить уровень «чувствительности» самой темы (Бюллетень Правозащитного центра «Мемориал» 2019: 17). Те участники конференций, которые позволяли себе резко критиковать новый разворот в исторической политике после 2011 г., были институционально ограничены от дальнейшего участия в разделении общественного дискурса (Бюллетень Правозащитного центра «Мемориал» 2019: 18).

В последующие годы власть в институциональном и дискурсивном смысле пытается предать забвению память о депортации. Во многом это было связано, с одной стороны, с попыткой Р. Кадырова окончательно встроиться в вертикаль власти, а с другой стороны, укрепившаяся связь между событиями 1944 г. и политическим кризисом в 1990-е гг. мешает окончательно решить национальный

¹ Кавказский Узел (2018) Власть Чечни поставили Ахмата Кадырова в центр Дня памяти и скорби. URL: <https://www.kavkaz-uzel.org/articles/320299/> (дата обращения: 20.04.2022). Региональное интернет-СМИ «Кавказский узел», учредитель которого ООО «МЕМО» внесен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов 08.10.2021 г.

² Кавказский Узел (2018) Жители Чечни поминают жертв депортации, несмотря на запрет властей. URL: <https://www.kavkaz-uzel.org/articles/316945/> (дата обращения: 12.04.2022).

вопрос республики. Трагические события часто связаны между собой, несмотря на существующую большую дистанцию между ними. Поэтому на современном этапе мнемонические акторы выбирают стратегию замалчивания для постепенного вытеснения политического кризиса в 1990-е из публичного и мемориального дискурса республики.

В 2019 году происходит новый разворот в исторической политике. 23 февраля по всей республике проходят траурные и коммеморативные практики, посвященные 75-летней годовщине со дня депортации народа. В последующие годы данная тенденция продолжает сохраняться, несмотря на официальный перенос отчисления всех трагических событий на 10 мая. В 2022 году также были проведены траурные мероприятия, в ходе которых вспоминалась депортация 1944 г., однако, в узком кругу представителей власти. Местное население не было приглашено. Во время публичного выступления лидера республики в «закрытом» процессе коммеморации Р. Кадыров неоднократно подчеркивал значимость заслуг своего отца¹. Помимо этого, в записях и постах в социальных сетях лидер республики резко критикует И. Сталина. Однако власти республики решили объединить два дискурса, вспоминая роль чеченских солдат во время Великой Отечественной войны во время проведения различных мероприятий по празднованию Дня Защитника Отечества². В отличие от Ингушетии, в Чечне оба исторических нарратива пытаются объединить в единое дискурсивное пространство.

Очередная смена вектора и частичное возвращение 23 февраля связаны с упрочнением Р. Кадырова во власти и взаимоотношениях с федеральным центром³. Более того, становится необходимой легитимация собственного режима из-за резкой общественной реакции по отношению к смене даты, запрета на празднование и проведение митингов 23 февраля. Тот факт, что в соседней Ингушетии и Дагестане проходят ежегодно траурные мероприятия именно 23 числа поспособствовали принятию решения о частичном возвращении к истокам важного для чеченского сообщества вопроса.

Существует ряд особенностей развития мемориального и культурного наследия, посвященных депортации чеченского народа. Заложенные первые памятники и мемориальные площадки в 1990-х гг. на текущий момент достаточно трудно обнаружить в республике в связи с недавним поворотом в исторической политике. Первый монумент, посвященный местной истории выселения жителей города во время депортации, открылся в 1991 г. в г. Урус-Мартане. Мемориальные плиты символизируют скорбь, жестокость и несправедливость принятого решения о массовом выселении народа с их Родины, подчёркивая местную специфику.

Однако противоречивая ситуация складывается с бывшим главным монументом «Жертвам депортации 1944 г.», открытым 23 февраля 1994 г. в г. Грозный по инициативе Д. Дудаева. Мемориал выглядел символически и политически значимым местом для чеченского населения, особенно в период политической нестабильности в регионе. Эмоциональный, религиозный и этнический характер памятника закладывает основы для формирования и закрепления нового исторического нарратива. Таким образом, данный мемориал становится институционализированным местом памяти для чеченского народа в период 1990-х гг. Его дальнейшая судьба изменила состояние институциональной памяти и публичного дискурса в целом в Чечне. После 1990-х гг. мемориал был практически разрушен, а к 2000-м гг. начал постепенно демонтироваться. Подобное решение не помешало местным жителям собираться и проводить коммеморативные мероприятия на месте бывшего монумента в день памяти (23 февраля) ещё долго.

В 2008 году Р. Кадыров высказался о необходимости переноса «места памяти» на окраину в связи: «неудобства самого места коммеморации». Несмотря на формально позитивное отношение лидера республики к мемориальному наследию и желанию возвести новый крупный мемориальный комплекс, многие жители старались защитить старый памятник. Связано это с действиями со стороны вла-

¹ Вести Республики (2022) Рамзан Кадыров: Мы должны помнить чёрные страницы нашей истории и жертв трагических событий. URL: <http://vesti95.ru/2022/02/ramzan-kadyrov-my-dolzny-pomnit-chyornye-stranitsy-nashej-istorii-i-zhertv-tragicheskikh-sobytij/> (дата обращения: 04.04.2022).

² Кавказский Узел (2022) Чеченские чиновники ограничились постами о депортации на фоне празднования 23 февраля. URL: <https://www.kavkaz-uzel.org/articles/373505/> (дата обращения: 12.04.2022). Региональное интернет-СМИ «Кавказский узел», учредитель ООО «МЕМО» внесен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов 08.10.2021 г.

³ Кавказский Узел (2018) Ингушские активисты в годовщину депортации упрекнули власти в беспринципности. URL: <https://www.kavkaz-uzel.org/articles/316915/> (дата обращения: 12.04.2022).

стей по переносу местных «чурт», символизирующих память о предках¹. Другая же причина лежит в основе дискуссий о наследии Д. Дудаева, который и заложил основы памяти о депортации в республике (Хлынина и Кринко, 2014: 274). Таким образом, власти хотели вынести из публичного поля этнический (националистический) характер памяти о депортации, связанный с кризисом в 1990-е гг.

В 2014 году остатки бывшего мемориального комплекса, а именно чурты, были перенесены на площадь им. А. Кадырова. Чурты находились в запустении, а многие жители даже не знали, куда их конкретно перенесли со старого места. Позже плиты были убраны и оттуда, судьба которых до сих пор неизвестна. На современном этапе в Республике Чечня так и не построили нового обещанного мемориального комплекса, посвященного жертвам депортации. Местные жители и вовсе перестали посещать какие-либо коммеморативные места². Память о депортации стала предаваться постепенно «забвению» или замалчиванию со стороны властей республики в контексте мемориального пространства. Это во многом соотносится с попыткой вытеснения другой травмы, связанной с наследием Д. Дудаева и политическим кризисом в 1990-е гг. В республике память о депортации сохранилась лишь в г. Урус-Мартане, который повествует о местной истории выселения.

Таким образом, проанализировав эволюцию исторической политики в Чечне можно понять, что власть республики вытесняет память о депортации в мемориальном контексте, что заставляет людей либо бойкотировать публичную коммеморацию 10 мая, либо возвращаться к семейной форме передачи памяти о трагедии. Постоянная смена вектора, наблюдаемая с 1990-х, сконструировала новую концепцию, в результате которой все острые моменты, связанные с памятью о политическом кризисе, сглаживаются или стираются. В данный момент, память о депортации передается забвению, с точки зрения его институционального и дискурсивного содержания. Региональная власть пытается контролировать общественную дискуссию, но принимает во внимание важность и значимость трагического события для чеченского народа в целом.

Заключение

Депортация 1944 г. является опорой современной ингушской и чеченской идентичности. Однако в наблюдаемых случаях формы взаимодействия с памятью о трагических событиях отличаются друг от друга. Основная разница определяется через коммеморативные мероприятия, состояние мемориального законодательства, общественные дискуссии об отношениях между государственным праздником «Днём Защитника Отечества» и депортацией, а также содержание мемориального наследия. Проведенный анализ в рамках case-study показал, что память в Республике Ингушетия приобрела институционализированный характер, в рамках которого власть сотрудничает с общественностью и поддерживает существующий статус-кво в мемориальном и дискурсивном пространстве. Напротив, в Республике Чечня память о депортации постепенно вытесняется из мемориального и культурного наследия. Через законодательство, а также дискурсивные практики власть республики пытается объединить разные исторические нарративы, а интерпретация исторических событий часто смешивается с памятью об А. Кадырове. Таким образом, семейная форма передачи памяти является доминирующим способом транслирования интерпретации депортации народов. Подобное взаимодействие с памятью о депортации чеченского народа во многом связано с попыткой предать забвению наследие политического кризиса в 1990-е гг.

¹ Кавказский Узел (2008) В столице Чечни обсудили проекты Мемориала жертвам депортации. URL: <https://www.kavkaz-uzel.org/articles/138381/> (дата обращения: 20.05.2022).

² Кавказский Узел (2019) Демонтаж мемориала в Грозном подчеркнул безразличие властей к памяти жертв депортации. URL: <https://www.kavkaz-uzel.org/articles/340934/> (дата обращения: 01.06.2022).

Список литературы / References

- Акаев, В., Бугаев, А. и Дадуев, М. (2014) 'Депортация чеченского народа: что это было и можно ли это забыть? (к 70-летию депортации чеченского и ингушского народов)', *Кавказ и глобализация*, 8 (1–2), сс. 128–139. [Akaev, V., Bugaev, A. and Daduev, M. (2014) 'Deportation of the Chechen people: what was it and can it be forgotten? (On the 70th anniversary of the deportation of the Chechen and Ingush peoples) [Deportatsiya chechenskogo naroda: chto eto bylo i možno li eto zabyt'? (K 70-letiyu deportatsii chechenskogo i ingushskogo narodov)], *The Caucasus and Globalization*, 8 (1–2), pp. 128–139. (In Russ.)].
- 'Ситуация в зоне конфликта на Северном Кавказе: оценка правозащитников. Зима 2013–2014 гг.' (2019), *Бюллетень Правозащитного центра «Мемориал»*. Москва, сс. 1–31. ['The situation in the conflict zone in the North Caucasus: the assessment of human rights defenders. Winter 2013–2014 (2019)' [Situatsiya v zone konflikta na Severnom Kavkaze: otsenka pravozashchitni-kov. Zima 2013–2014 gg.], *Bulletin of the Memorial Human Rights Center*. Moscow, 1–31. (In Russ.)].
- Гучинова, Э.-Б. (2021) 'Как калмыки рассказывают о депортации: дискурсивные стратегии нарратива', *Сибирские исторические исследования*, 2, сс. 30–52. [Guchinova, E.-B. (2021) 'How Kalmyks talk about deportation: discursive narrative strategies' [Kak kalmyki rasskazyvayut o deportatsii: diskursivnyye strategii narrativ], *Siberian Historical Research*, 2, pp. 30–52. DOI: 10.17223/2312461X/32/2 (In Russ.)].
- Исакиева, З. (2019) 'К 75-летию депортации чеченцев и ингушей в среднюю Азию и Казахстан: о жизни спецпоселенцев', *Общество: философия, история, культура*, 4 (60), сс. 68–71. [Isakieva, Z. (2019) 'On the 75th anniversary of the Chechen and Ingush deportation to Central Asia and Kazakhstan: The life of special settlers' [K 75-letiyu deportatsii chechentsev i ingushey v srednyuyu Aziyu i Kazakhstan: o zhizni spetsposelentsev], *Society: Philosophy, History, Culture*, 4(60), pp. 68–71. DOI: 10.24158/fik.2019.4.11 (In Russ.)].
- Малинова, О. (2018) 'Политика памяти как область символической политики', *Методологические вопросы изучения политики памяти*, сс. 27–53. [Malinova, O. (2018) 'Memory politics as a symbolic policy area' [Politika pamyati kak oblast' simvolicheskoy politiki], *Methodological issues of studying memory politics*, pp. 27–53. (In Russ.)].
- Тишков, В. (2001) *Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны)*. Москва: Наука. [Tishkov, V. (2001) *Society in armed conflict (ethnography of the Chechen War)* [Obshchestvo v vooruzhennom konflikte (etnografiya chechenskoy voyny)]. Moscow: Science. (In Russ.)].
- Хлынина, Т. и Кринко, Е. (2014) *История, политика и нациестроительство на Северном Кавказе*. Ростов-на-Дону: ЮИЦ РАН. [Khlynina, T. and Krinko, E. (2014) *History, policy and nation building in the Northern Caucasus* [Istoriya, politika i natsiyestroitel'stvo na Severnom Kavkaze]. Rostov-on-Don: Institute for Social and Economic Research and Humanities of the South Science Center of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)].
- Шнирельман, В. (2021) 'Травматическая память: подходы к изучению и интерпретации', *Сибирские исторические исследования*, 2, сс. 6–29. [Shirelman, V. (2021) 'A traumatic memory: how to study and interpret it' [Travmaticheskaya pamyat': podkhody k izucheniyu i interpretatsii], *Siberian Historical Research*, 2, pp. 6–29. DOI: 10.17223/2312461X/32/1 (In Russ.)].
- Bull, A. and Hansen, H. (2016) 'On agonistic memory', *Memory Studies*, 9 (4), pp. 390–404. DOI: 10.1177/1750698015615935.
- Campana, A. (2012) 'The Chechen memory of deportation: from recalling a silenced past to the political use of public memory', in: Lee, Ph. and Thomas, Pr. (eds) *Public memory, public media and the politics of justice*. London: Palgrave Macmillan, pp. 141–162.
- Gould, R. (2012) 'Leaving the house of memory: post-Soviet traces of deportation memory', *Mosaic: a journal for the interdisciplinary study of literature*, 45, 2, pp. 149–164.

Jaimoukha, A. (2004) *The Chechens: a handbook*. London: Routledge.

Macgilchrist, F. and Hout, T. (2011) 'Ethnographic discourse analysis and social science', *Forum: Qualitative Social Research*, 12, 1. URL: <http://nbnresolving.de/urn:nbn:de:0114-fqs1101183> (дата обращения: 01.06.2022).

Perovic, J. (2018) *From conquest to deportation: the North Caucasus under Russian rule*. Oxford: Oxford University Press.

Williams, Br. (2000) 'Commemorating "the deportation" in post-Soviet Chechnya: the role of memorialization and collective memory in the 1994–1996 and 1999–2000 Russo-Chechen Wars', *History & Memory*, 12, 1, pp. 101–134. DOI: 10.1353/ham.2000.0006.

Статья поступила в редакцию: 18.07.2022

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 28.10.2022

Статья принята к печати: 06.11.2022

THE DEPORTATION OF NORTH CAUCASIAN PEOPLES IN THE PUBLIC PERCEPTION: CASES OF THE REPUBLIC OF CHECHNYA AND THE REPUBLIC OF INGUSHETIA

I. A. Ushparov

I. A. Ushparov, 3rd year postgraduate student of the Faculty of Political Sciences, Autonomous non-profit educational organization of higher education "European University in St. Petersburg", Russia, St. Petersburg.
E-mail: igor.ushparov@mail.ru (ORCID: 0000-0002-4908-5645).

Abstract

The memory of tragic events plays an important role in the formation of collective identity. Not all ethnic groups' historical narratives coincide with the official state historical policy. The deportation of 1944 played a key role in determining ethnic identity for Chechen and Ingush groups. This article examines the process of construction and evolution of the local historical narrative about the deportation of the Chechen and Ingush peoples in Soviet and post-Soviet period. The analysis shows that the existing way of commemoration and interaction with the memory of the tragic events in the Republics are different. In the Chechen Republic a low level of institutionalization of memory of deportation can be observed, and in-family form of sharing remains the dominant approach. The authorities of the Republic actively displace the memory of the deportation from the memorial and public space, linking it with the political crisis in the 1990s. However, they continue to use the narrative to mobilize citizens. In the Republic of Ingushetia, on the contrary, the appeal to memorials, as well as the consolidation of the status of trauma as a key historical event, is institutionalized and generally shared, supported by both the authorities of the Republic and the public.

Keywords: memory politics; cultural trauma; deportation; discourse; historical narrative; Republic of Ingushetia; Republic of Chechnya.